

Доедая сахарный боярышник, Дуань Шаобо наконец успокоился и погрузился в медитацию. Видимо, успокоился он слишком уж сильно: Гу Цзыцзю сперва лишь изредка поглядывал на него, а потом принялся неотрывно разглядывать, но тот ничего не замечал. И Чжэнь следовал позади. Поначалу он ещё пытался заговорить с Гу Цзыцзю, однако тот полностью его игнорировал. После нескольких безуспешных попыток И Чжэнь тоже замолчал, а затем, неизвестно что вспомнив, в одиночестве разразился горькими рыданиями.

Только он не знал, что Гу Цзыцзю давным-давно заглушил все звуки с той стороны, и его плач совершенно им не мешал.

– Впереди ученики секты Меча? – голос И Чжэня до них не доносился, зато голос постороннего проник беспрепятственно. – Я – патриарх Бай Лин из секты Бурных Волн. Услышав о постигшем вашу секту несчастье, я специально прибыл выразить соболезнования.

Едва раздалась передача голоса, Гу Цзыцзю тотчас высвободил мечевую ци, укрыв Дуань Шаобо и И Чжэня. Это была не защита в смысле «насторожиться», а защита в самом прямом смысле. Голос незнакомца звучал мощно и властно. Самому Гу Цзыцзю он не вредил, но погружённого в медитацию Дуань Шаобо мог ранить, не говоря уже об И Чжэне, ставшем простым смертным.

Но даже под его защитой оба ощутили воздействие. Дуань Шаобо вздрогнул и был вынужден выйти из медитации, а И Чжэнь перестал плакать и уселся на землю с восково-жёлтым лицом.

После передачи голоса раздался звук, похожий на лопнувший пузырь, и патриарх Бай Лин появился перед ними.

На вид ему было чуть больше двадцати. Его изящная, благородная внешность учёного совершенно не соответствовала только что прозвучавшему голосу. Похоже, вкусы у него были примерно такими же, как у князя Иньсюэ: белые волосы, белые брови и белые одежды. По ткани тёмными узорами были вышиты магические печати. Широкие рукава и полы одеяния колыхались без ветра, а вокруг словно растекалась дымка над водной гладью.

[QAQ Хо-хозяин, успокойся! Патриарх Бай Лин – наставник Чу Цзэюя! Нельзя его убивать!]

[Всего лишь наставник. Убью этого – найдётся другой.]

Да, Гу Цзыцзю действительно вознамерился убить его.

Характер у него, казалось, был вполне терпеливым. Даже с князем Иньсюэ, откровенно его домогавшимся, он мог мирно сосуществовать. Но лишь потому, что уважал «некоторые» признанные им правила смертных, важнейшим из которых был равноценный обмен.

Я ем его еду, пью его вино, живу в его доме и при этом не трахаю его. Так что пусть смотрит на меня, сколько пожелает, фантазирует или даже заведёт себе чисто внешнюю замену – неважно. Вполне честная сделка.

Но сейчас патриарх Бай Лин прекрасно мог обратиться к ним вежливо. Он явно понимал, в каком положении находились Гу Цзыцзю и его спутники, однако всё равно передал голос с такой давящей мощью, высокомерно назвал себя достойным и вдобавок заявил, будто явился «выразить соболезнования».

[(□Д)!! Он отец одной из главных героинь!]

[...Главных героинь почти четыре тысячи. Ничего страшного, если одна лишится отца.]

[Σ(□°Д°;)□ Он, он, он...]

Системный помощник лихорадочно искал оправдание и уже оказался на грани зависания. Что? Противник находился на стадии Зарождения души, а хозяин – всего лишь на стадии Золотого Ядра? Да какая, к чёрту, разница! Если хозяин сказал, что прикончит кого-то, значит, прикончит – без вариантов! Насколько системный помощник знал хозяина, тот сейчас не высвобождал всю свою мощь лишь потому, что обдумывал, как идеально убить противника, не дав ему сбежать, и при этом не напугать своего младшего соученика – домашнего белого кролика... Э! Младший соученик?! Есть способ!

[Хозяин! (`ω) На нынешнем этапе ты не сможешь убить его открыто и безнаказанно! Тем более на глазах у младшего соученика! Ты ведь не собираешься заставлять его вместе с тобой скрывать правду? Его духовная техника – техника истинной чистоты, а развиваемая им мечевая ци следует принципу истинности. Разве хорошо заставлять его вместе с тобой обманывать окружающих?]

[...Верно.]

QAQ Системный помощник едва не расплакался от счастья: Второй младший соученик, я тебя люблю! Отныне буду стараться говорить в твою пользу и держать этого подонка от тебя подальше!

Патриарх Бай Лин и не подозревал, что только что прошёл по грани между жизнью и смертью. На его лице по-прежнему читалось презрение, когда он язвительно заговорил с Гу Цзыцзю:

- Ещё за несколько десятков ли я заметил эту твою красивую, но совершенно бесполезную мечевую ци. Вы, мечники, всегда...

- В секту Меча прибыл почётный гость из секты Бурных Волн, а мы даже не встретили его как следует!

Гудящий, звенящий голос внезапно прокатился по округе волной.

Патриарх Бай Лин подавился остатком фразы. Его отчётливо качнуло в воздухе, и он провалился вниз на несколько чи. Лишь когда передача голоса закончилась, ему удалось вновь удержаться в воздухе. Вид у него был донельзя жалкий. Однако, несмотря на охватившую его ярость, возразить он не посмел и вместо этого сложил ладони в приветственном жесте:

- Осмелюсь спросить, какой старший из секты Меча почтил меня своим присутствием? Прошу простить мою невежливость.

- Ха-ха-ха-ха! Как можно говорить, что патриарх Бай Лин был невежлив? Я всего лишь ответил любезностью на любезность. Цзыцзю, Шаобо, старший уже преподавал вам урок – чего же вы всё ещё стоите?

- Да, наставник.

Гу Цзыцзю и Дуань Шаобо тотчас поклонились в сторону секты Меча, после чего одновременно сложили ладони перед патриархом Бай Лином:

- Благодарим старшего за наставление. Прощайте.

Они действительно ни о чём не договаривались, но произнесли это совершенно одинаково, не ошибившись ни единым словом.

Патриарх стадии Зарождения души от ярости побелел как полотно. Будь он учеником Будды, и то от такого гнева отправился бы прямиком на небеса.

На помощь им пришёл их наставник – достопочтенный меча Заточенного Острия Ли Биньчэн.

Гу Цзыцзю знал сюжет. Когда-то у патриарха Бай Лина была младшая соученица, ставшая его спутницей на пути Дао. Однако она влюбилась в одного мечника, ради него разорвала прежние узы, бросила дочь и стала преследовать того мечника повсюду – от небес до преисподней. В конце концов они оба погибли в одном гиблом месте, а их души рассеялись без остатка.

С тех пор патриарх Бай Лин возненавидел всех мечников. Даже обучая учеников, он постоянно твердил, что мечники – самые подлые и бесстыдные твари на свете. Именно поэтому он пристально следил за любыми движениями секты Меча и всего за несколько дней узнал о постигшем её несчастье, после чего поспешил сюда «выразить соболезнования».

– Старший соученик, тот человек... С наставником всё будет в порядке? – обеспокоенно спросил Дуань Шаобо, когда они отлетели подальше.

– Не волнуйся, младший соученик. Даже если он прикрывается именем секты Бурных Волн, практику Золотого Ядра не поздоровится, если он сунется в нашу секту Меча, где достопочтенных меча больше, чем собак.

Дуань Шаобо не знал, смеяться ему или плакать:

– Старший соученик, что значит «достопочтенных меча больше, чем... больше, чем...»

– Ничего страшного. Даже если наставник услышит, он не обидится.

Не удержавшись, Гу Цзыцзю поднял руку и ущипнул Дуань Шаобо за щёку. Одного раза ему показалось мало, и он, выпрямив указательный палец, коснулся красной родинки под левым глазом Дуань Шаобо.

- Я думал, она плоская. Оказывается, её можно нащупать?

- М-м? А...

[QAQ Хозяин, а что, если твой младший соученик влюбится и признается тебе?]

Системный помощник не забыл, как совсем недавно прикрылся младшим соучеником, словно щитом, и потому теперь считал своим долгом хотя бы попытаться помочь ему добиться счастья.

[Откажу.]

[...]

У меня есть для тебя пара ласковых, но я боюсь их сказать.

[QAQ Не будешь флиртовать - как женишься?! Зачем тебе отвергать его и разбивать ему сердце?]

[Лучше уж он расстроится из-за отказа, чем я попользуюсь им, а потом брошу.]

[П-пожалуй, так? Нет! Хозяин, разве не лучше было с самого начала его не трогать?!]

[Не хочу. Ощущения слишком приятные, я не могу удержаться.]

[Хозяин, даже если после этого ты меня отключишь, я всё равно скажу: ты настоящий подонок!]

[Ага.]

(:з»∠) Послушный младший соученик, не то чтобы системный помощник не старался – просто хозяин оказался слишком отъявленным мерзавцем.

Они летели почти весь день и лишь затем опустились на землю – не ради отдыха, а чтобы И Чжэнь мог справить нужду. Он ещё не доел свои пилюли отсечения злаков, поэтому желудок и кишечник оставались пустыми. Однако И Чжэнь всё-таки был смертным, а смертному требовалась вода. Раз что-то входило в его тело, то чему-то полагалось и выходить.

Сначала И Чжэнь забежал за дерево и уже схватился за пояс штанов, однако стиснул зубы и побежал дальше, спрятавшись за кустами. Но, встав за ними, он всё равно почувствовал себя неуютно и снова помчался прочь. Наконец он добрался до ручья и, больше не в силах терпеть, справил малую нужду.

Обычно после подобного человек должен был ощутить лёгкость и облегчение. Однако, закончив, И Чжэнь покраснел до багрового оттенка. Когда он завязывал пояс, руки дрожали так сильно, что несколько раз не смогли справиться с застёжкой.

Бессмертным не приходится заниматься такими грязными делами. К тому же бессмертные наверняка слышали всё, что он делал.

Приведя одежду в порядок, И Чжэнь направился обратно, но на полпути не выдержал, привалился к стволу дерева и принялся мучительно блевать. Его долго выворачивало, однако изо рта выходили лишь слюна и желчь.

Почувствовав себя донельзя жалким и грязным, он хотел вернуться к ручью и привести себя в порядок, но тут вспомнил, что именно туда только что мочился. Едва выпрямившаяся спина тут же снова согнулась.

В конце концов И Чжэнь лишь вытер рот и вернулся к Гу Цзыцзю и Дуань Шаобо. Дуань Шаобо... опять ел сахарный боярышник, а Гу Цзыцзю стоял рядом и с улыбкой смотрел на него.

И Чжэня охватила зависть, но он ничего не сказал. Недавнее ничтожное происшествие словно вбило гвоздь прямо ему в сердце, заставив с пронзительной ясностью понять, что означала пропасть между бессмертным и смертным. Он презирал Дуань Шаобо, однако теперь Дуань Шаобо был бессмертным, а он сам – смертным!

Дуань Шаобо больше не погружался в медитацию, и это чрезвычайно раздражало Гу Цзыцзю. В его мыслях патриарх Бай Лин уже давно был мертвее мёртвого. Всю дорогу Гу Цзыцзю рассказывал Дуань Шаобо о том, что повидал за годы странствий, поэтому путешествие нельзя было назвать скучным.

Что же до И Чжэня... Он беспрестанно упражнялся с мечом. Не ради того, чтобы показать себя перед Гу Цзыцзю, – он пытался восстановить культивацию. Однако сколько бы он ни тренировался днём и ночью, всё было бесполезно.

Изначально И Чжэнь полагал, что с лёгкостью вернётся на стадию Очищения Ци и, возможно, даже за несколько дней вновь создаст Основу. Однако действительность нанесла ему тяжёлый удар. Стоило почувствовать, что духовная ци начинает собираться вокруг него, как перед глазами мгновенно возникала сцена уничтожения младшего боевого двоюродного деда во время небесной кары. И в то же мгновение духовная ци рассеивалась без остатка!

Все его усилия были напрасны.

Не прошло и нескольких дней, а И Чжэнь, покинувший секту Меча опрятным и подтянутым, заметно осунулся. Его пучок растрепался, чёрные с проседью волосы торчали во все стороны. Под глазами залегли огромные тёмные круги, белки налились кровью, в уголках глаз засохли выделения. Нижнюю половину лица покрывала неопрятная щетина, губы потрескались до крови, а чисто-чёрные одежды секты Меча из грубой ткани измялись и источали тяжёлую вонь пота.

Он не только не сумел вернуться на путь бессмертия, но с каждым днём всё больше походил на смертного – разочарованного жизнью, потерпевшего полный крах смертного.

Однако город Цинпин уже показался впереди.

В тот день трое опустили на землю возле небольшого городка. Гу Цзыцзю, что случилось крайне редко, скрыл окружающую его мечевую ци. Они с Дуань Шаобо переоделись в другие магические одеяния, а И Чжэню выдали одежду смертного. Если судить лишь по внешнему виду, именно его обычный наряд выглядел самым нарядным.